

Н.Ю. ТРУШКИНА
(Ульяновск)

ПРОКЛЯТЫЙ РЕБЕНОК В НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мотив проклятия относится к числу универсальных мифологических мотивов. В этнографических описаниях и сборниках XIX — начала XX в. содержится большой корпус текстов, связанных с представлениями о судьбе проклятых (см., например, [Афанасьев 1869, 314—317; Барсов 1874, 88—89; Даль 1994; Зеленин 1915; Максимов 1995, 259, 304, 329, 333; Ончуков 1908; Рыбников 1910, 188—189, 199—200; Соколовы 1915, 50—51]). Эти представления оказываются актуальными и сегодня: рассказы о проклятых и подмененных детях записываются как в деревне, так и в городе.

Обычно исследователи объединяют подобные тексты в один сюжетный тип — «Проклятые» [Померанцева 1975; Айвазян 1975, 181; Зиновьев 1987, 118—127, 313]¹. Сразу оговорим, что объектами проклятия в сюжетном типе «Проклятые» являются и взрослые и дети. Как нам представляется, внутри этого типа можно выделить две группы (сюжетные подтипы), причем основанием для их выделения становится именно возраст проклятого. Первая группа включает тексты, повествующие о проклятии взрослого человека; вторая связана с проклятием ребенка.

Проклятый и подмененный ребенок как персонаж сказочной прозы редко становился объектом специального внимания исследователей [Виноградова 1995; Власова 1995а и 1995б; Грушко, Медведев 1996]. Вот почему задача установления круга мотивов внутри сюжетного подтипа «Проклятый ребенок» и определения их связей друг с другом, выявления региональных особен-

ностей комплекса мотивов в этом сюжетном подтипе, а также описания характеристик этого персонажа представляется весьма актуальной. Ее решению и посвящена настоящая статья. В ней мы использовали тексты разных жанров (былички, бывальщины, поверья, описание верований), которые в разное время были записаны на территории Ульяновской обл., как опубликованные, так и хранящиеся в фольклорном архиве УлГПУ. Описания верований, выполненные учеными и собирателями XIX — XX вв. в других регионах России, используются как сравнительный материал.

Ребенок всегда считался уязвимым для действия нечистой силы в силу своего маргинального положения. Особенно незащищен был младенец до крещения: полагали, что у такого ребенка нет ангела-хранителя. С этим и связаны запреты оставлять младенца (иногда и роженицу) одного, поскольку нечистый может подменить ребенка: *«До крестин младенчика одного в комнате не оставляли. У него-то, некрещеного, нет ангела-хранителя еще, и надобно было оборонить его незащищенную душеньку от злых духов-ти иконой, крестом»* (Зап. от М.Д. Бабкиной, 1922 г.р., с. Белица Беловского р-на Курской обл. [Науменко 1998, 74]); *«Пока некрещеный, боялись оставлять ребенка одного в доме. Тогда опасались, чтобы домовый его не переменял в зыбке, боялись, чтобы никакая сила не пристала. И дьяволов тогда боялись, чтобы нечистая сила никакая не взяла ребенка. А когда ребенок крещеный, тогда были смелее»* (Зап. от М.В. Колтаковой, 1900 г.р., с. Пертаминск Приморского р-на Архангельской обл. [Там же]). Но и после крещения нательный крест, пояс, икона не могли полностью уберечь ребенка. Главной защитой для него по-прежнему оставалась мать.

Этика взаимоотношений мать — ребенок предписывает именно матери заботу о младенце, а ее любовь уподобляется божественной любви (ср. поговорку *«Бог за людей, как мать за детей»*). Таким образом, материнское проклятие — случайное или намеренное — представляет полное нарушение этикетных, культурных и религиозных норм. Причем даже такие мотивировки проклятия, как *«осердилась»*, *«не стерпела»*, не являются оправданием для матери, проклинаящей свое дитя, тем более, что

¹ Поскольку основу указателей составляли сюжеты, связанные с центральным мифологическим персонажем, иные мотивы, в том числе относящиеся к проклятым, оказались в других разделах. Например, в разделы «Леший», «Черт», «Водяной» вошли сюжеты о краже и подмене проклятого ребенка мифологическим существом.

в них уже содержится нарушение религиозных норм. Ведь христианину предписывается терпение².

Мотив материнского проклятия является инициальным в большинстве текстов. Кроме того, для данного сюжетного типа он оказывается сюжетообразующим³.

Структура мотива проклятия

Мотив проклятия реализуется в двух возможных версиях: это либо произнесение неосторожного слова, либо сознательное проклятие. В большинстве текстов мы обнаруживаем мотив неосторожного слова: мать ругает «черным словом» напроказившего или требующего ее внимания ребенка: «...Вот она сгоряча-то и взревела на девочку...» (Зап. В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г.р., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 36]); «...Она ему кинула одежку-то да в сердцах сказала...» (Зап. Л.В. Шленкова от Анастасии Ивановны Леонтьевой, 1902 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]). Единичные тексты содержат прямое или косвенное указание на то, что проклятие произносится намеренно:

² В мифологических текстах именно терпение отличает персонаж, заступающийся за человека, от мифологического персонажа, враждебного ему (особенно ярко это проявляется в сюжетах о скатерти / рубашке, «заговаривающей зубы» черту / мертвецу и др.: «Мы столько терпели, а ты и этого потерпеть не можешь»). Кроме того, зло, которое происходит от мифологического существа, часто объясняется не только его злокозненностью, но и отсутствием терпения. Побеждает всегда тот персонаж, который умеет проявить терпение. Любопытно, что именно терпение / страдание матери часто позволяет проклятому вернуться в мир людей.

³ Под сюжетом мы понимаем «конкретное содержание конкретного данного произведения (также и в совокупности вариантов)» [Путилов 1994, 185], представленного устойчивым сочетанием мотивов. Описание последовательности мотивов представляет сюжетную схему. Вслед за Б.Н. Путиловым под мотивом мы понимаем и структурообразующий элемент текста, и исторически сложившуюся содержательную единицу, семантику которой обусловили мифологический и этнографический субстраты. Важным для нас является формульный характер данного понятия, тесно связанного с первобытным мышлением и архетипическими схемами.

«Много топили. Детей. В речку бросали. А в общем, как это говорили, — заклинали. Детей своих заклинали. Он оборотится в чё-либо. Ребенок. Иль плачет, и плачет, всё время. Детей нельзя ругать было. А сейчас ругают. А потом где-нибудь его найдет. Иль он образуется этим... как это? В речке бывает — русалка» (Зап. М.Г. Матлин от Анны Фоминичны Переведенцевой, 1912 г.р., с. Акшут Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]).

Мотив умышленного произнесения проклятия характерен для другого сюжетного подтипа, в котором мать проклинает взрослого сына, нарушающего нравственные, религиозные нормы (нарушая, в свою очередь, эти же нормы): «Я, с пьяных-то глаз, возьми и толкни матушку в грудь. Этого, знамо дело, матушка не стерпела, плюнула мне в рожу, да сказала: "Будь же ты за это, анафема, проклят!"» [Народная проза 1992, 329]; «...живет там ветхая старушонка, моя матушка, ей более ста и семидесяти годов. Как был я жив, не почитал ее, всё ей насупротив делал, и завел я всяким беспутством заниматься, до того дошел, что с родною сестрой любовь свел, а когда она от меня понос понесла, то я стыда ради ушел на Грумант, без матерья благословения. За это матушка прокляла меня...» [Народная проза 1992, 339]. В других сюжетах этого подтипа мать проклинает взрослого сына исключительно из-за своего дурного нрава: «Одна баба была уж больно сварливая. Как-то ругала сына-то меньшого. Ну и говорит: "Сгорел бы ты со всеми своими пожитками"» (Зап. О.М. Скворцова от Полины Федоровны Губиной, 1914 г.р., с. Краснополка Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1987]).

Структуру проклятия как устойчивой вербальной формулы образуют несколько компонентов:

- название имени демонического существа (либо им называют самого ребенка, либо к этому существу ребенок отсылается);
- указание на действие этого существа;
- указание места, куда должен попасть ребенок в результате проклятия.

Для традиционного мышления характерна мысль о том, «что имя служит средством для передачи дурных воздействий <...> произнесение запретного слова как бы зовет, кличет, "накликает" названное за-

претным словом опасное существо, вызывает его появление» [Зеленин 1937, 5—6]. Круг сакральных имен при произнесении проклятия достаточно стабилен: черт, нечистый дух, леший, лембой (северн.). Всё это определяется информаторами как произнесение «черного слова»: «Говорят, детей проклинать нельзя? — Не надо... Черным словом ругать не надо. — Черным словом — это как? — "К черту", "паразит", "черт"» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Нины Васильевны Ереминой, 1935 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Черным словом не надо проклинать. Черное слово... Черт, окаянный — это самое противное слово, вот» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Анны Федоровны Ледяевой, 1917 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]).

При произнесении проклятия ребенок может быть как назван «чертом», «нечистым духом», так и отсылаться к ним: «...говорили, грех назвать ребенка так. Чтоб там "окаянный ты такой", или "черт ты такой"» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Евдокии Ивановны Макушиной, 1916 г.р., д. Студенец Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Вот мать проклянет дитя. Вот чертом раньше Боже упаси ребенка изругать» (Зап. М.Г. Матлин, О. Зудина от Дарьи Константиновны Никоновой, 1911 г.р., с. Подъячевка Шигонского р-на Самарской обл. [ФА 1990]); «В одной семье был маленький ребенок, но очень беспокойный был, плакал постоянно. А как раньше люди говорили, что детей нельзя посылать к черту, а родители послали его» (Зап. Е.Ф. Карпухина от Клавдии Андреевны Карпухиной, 1939 г.р., с. М. Борла, Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1989]). Иногда проклятие соединяет как название ребенка запретным именем, так и отсылку: «Мать осердилась на сына, это.. ну и говорит: "Черт бы тебя утащил, — говорит, — паразита эдаково!". Но и он пропал, парнишка-то» (Зап. В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г.р., урж. Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 44]). К лешему, как правило, ребенок только отсылается: «Она жгнула ее по спине: "Чтоб тебя леший увел!"» (Зап. В.П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г.р., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 49]);

«Когда она плакала, побранили ее без молитвы: "Чтоб тебя леший унес!" — и сбылось их проклятие. Взяли ее лешие и столько лет держали в чужой деревне, в бане» (Зап. от Т.И. Азаровой, 1915 г.р., в д. Кузнецовка Ишимбайского р-на Башкортостана [Ахметшин 1990, 105]).

Проклятие может строиться и как номинативная, и как глагольная конструкция. В этом случае в формуле встречаются глаголы, указывающие на действие, которое потенциально совершает мифологический персонаж по отношению к ребенку: он может забрать ребенка, унести, увести его («... А мать-то: "Тебя че лешай таскат!"») (Зап. Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г.р., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 40]); «... черт вас не унесет, ягодницы» [Даль 1994, 296]; «... Хоть бы одну-то подпальник взял» [Даль 1994, 372]; «А чтоб ты лешой взял!» [Криничная 1983, 227]); а также глаголы, указывающие на действие, происходящее с самим ребенком: такая формула, как правило, строится по типу пожелания, только желается не благо, а зло — «сгореть», «прострелить», «убить» («...Например, "подох бы ты", например... это проклинать человека» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Александра Яковлевича Потапова, 1927 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Ну она сказала: "Прострелило бы тебя, чего ржешь"» (Зап. М.Г. Матлин от Онисьи Ивановны Егоровой, 1917 г.р., с. Вельяминовка Самарской обл. [ФА 1987]); «Она ему возьми и скажи, мол, "черт тебя подери!"» (Зап. О.В. Кокова от Раисы Александровны Бородиной, 1931 г.р., п. Старая Майна Ульяновской обл. [ФА 1993]); «Ну и говорит: "Сгорел бы ты со всеми своими пожитками"» (Зап. О.М. Скворцова от Полины Федоровны Губиной, 1914 г.р., с. Краснополка Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1987]); «Ну, сказала бы вроде бы мать, чтоб провалиться бы тебе (сыну. — Соб.), и он провалился» (Зап. М.Г. Матлин от Татьяны Петровны Терехиной, 1912 г.р., с. Силаевка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]).

Иногда в формуле проклятия называется также место, куда отсылается ребенок: «Да чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону!» (Зап. В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г.р., с. Кру-

пьянка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 36]). Хотя на место отсылки может указывать и глагольная конструкция: «*Мол, провалиться тебе на этом месте. Он и провалился...*» (Зап. Н.Ю. Трушкина, Т. Голушко, Б. Чеканов от Анны Михайловны Макаровой, 1917 г.р., с. М. Борла Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]). Но даже если формула не содержит прямого указания на отправку в иной мир, она присутствует в текстах косвенно: мифологический персонаж, в чью власть попадает ребенок, забирает его к себе, в свой локус: «...всех проклятых берут себе те из нечистых, в области которого имел место факт: дома — домовою, в воде — водяной, в лесу — лесовой» [Перетц 1894, 8].

Формула проклятия «*чтоб ты провалился*», «*чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону*», «*чтоб тебя черт взял*» реализуются в жизни персонажа буквально: мифологическое существо, именем которого проклинается ребенок, забирает его. Вербальная формула, воспринимаемая в наше время как фразеологизм, получает реальное наполнение: ребенок отправляется в «иной мир», изгоняется из мира человеческого. По сути она является заклятием, и не случайно строится как заговорная формула (подробнее об этом см.: [Разумова 1993, 86; Власова 1995а, 260]). Такое истолкование проклятия находит свое объяснение в контексте мифологического отношения к слову [Потебня 1990, 290—293; Петров 1981, 79; Кагаров 1981, 68].

Время произнесения проклятия

Время произнесения проклятия не всегда отмечено в быличках, но часто оно связывается с представлениями о «нехорошей минуте в часу», в которую произнесенное слово обязательно исполняется: «*Детей нельзя ругать. Бывает такая минута, вот... изругаешь, это к нему пристанет, и может он болеть <...> Есть в часу четыре минуты. Вот в это самое... нехорошее слово... оно враз... убьет*» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от бабушки Антонины, 1929 г.р., с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); ср. также: «*Да, видно, не в час и сказала. <...> А леший-то как тут и был*» (Зап. В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г.р., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 36]).

Иногда отмечается, что такой способностью обладает вечернее и ночное время: «...особенно ночью нельзя бить и ругать детей» (Зап. О. Зудина, Л. Сергеева, Е. Хардова от Ульяны Тимофеевны Овчинниковой, 1903 г.р., с. Силаевка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]); «*В шабрах говорили, что мать прокляла дочь. Ночью нельзя было ругаться, а она прокляла*» (Зап. М.Г. Матлин, А.П. Рассадин от Татьяны Ивановны Куриной, 1908 г.р., д. Камышовка Майнского р-на Ульяновской обл. [ФА 1976]).

Ребенок может быть проклят еще во чреве матери или в момент родов. Подмена происходит в материнской утробе, и вместо ребенка рождается головешка: «*Ну, как проклянут, вот и родится головешка вместо человека. Одна женщина прямо головешку и родила*» (Зап. М.Г. Матлин от Анны Васильевны Аладьиной, 1893 г.р., с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]).

Если проклятый ребенок всё же появляется на свет, то он уже с момента рождения обещан нечистой силе. Проклятие определяет его судьбу. Он попадает в число нечистых, невидимых, проклятых людей: «*Я — сын богатых родителей и сын купеческий, проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету и около тридцати лет не нахожу себе пристанища. Отец меня проклял ни с того ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле...*» [Даль 1994, 377]; «*Родила, а видно в утробе-то поругалась, чорту посулила ее (когда она ее носила в утробе). Чорт лежит под ей, щобы ее унести*» [Даль 1994, 421].

Место произнесения проклятия

Ребенок может быть проклят как внутри дома, так и вне его. Тем не менее места, где произносят проклятие неосторожные матери, отмечены семантикой соприкосновения с иным миром. Это места, где наиболее легко осуществляется переход в него. Вне дома — это баня, дорога. Внутри дома — стол, колыбель.

Проклятие, повлекшее за собой пропажу или подмену ребенка, нередко произносится во время мытья в бане [Даль 1994, 377]. Известно, что баня — место нечистое и пребывание в ней связано с целым рядом запретов и ограничений: «*В бане мать ребенка мыла — ругнула его матом. Он головеш-*

кой сделался. Лежит головешка и кричит» (Зап. Н.Ю. Трушкина, Т. Голушко, Б. Чеканов от Анны Михайловны Макаровой, 1917 г.р., с. М. Борла Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]); «...Женщина одна собралась идти в баню, а прежде хотела ребятенка своего помыть. <...> И вот наказала она мужу через пять минут прийти в баню и забрать дитё. <...> Начал было малый орать, как все малыши орут. Она ему возьми и скажи, мол, "черт тебя подери". И через минуту стук в дверь, значит. Дверь открылась. Оттуда появились руки. <...> Вот мать сполоснула ребятенка и отдала его. Через пять минут приходит муж за ребенком» (Зап. О. Кокова от Раисы Александровны Бородиной, 1931 г.р., п. Старая Майна Ульяновской обл. [ФА 1993]).

На дороге проклятие, как правило, происходит оттого, что ребенок не хочет оставаться дома и идет за родителями: «Погнала мать коров прогонять, а с ей семи лет девчонка связалась, привязалась, своя же дочь. Вот че хош!.. Она ее дома оставляют — она никак. Она жгнула ее по спине: "Чтоб тебя леший увел!". <...> И потом она, эта девчонка, выскочила вперед ее и пошла, и пошла, и пошла, — и ушла» (Зап. В.П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г.р., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 49]); «Одна крестьянка мать пошла в летний день утром на работу. Дочка ея, небольшая девочка, никак не хотела остаться одна дома, и с плачем бежала вслед за матерью, прося ее взять с собой. Мать всяко упрашивала дочку возвратиться домой... выведенная из терпения, неосторожно сгоряча выпалила: "а леший бы лучше тебя взял, когда не даешь мне волю идти на работу"» [Лесков 1893, 418—419].

Проклятие возле стола, в процессе приготовления пищи, за едой — один из распространенных мотивов быличек: «Вот мать готовит к свадьбе-то, а ребятишки, известно, под руки лезут: того дай, другого... Вот она сгоряча-то и взревела на девочку: "Да чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону!". <...> Девочка выбежала из-за стола и побежала, а сама ревет: "Дяденька, дожидай! Дяденька, дожидай!"» (Зап. В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г.р., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 36]).

28 Ср. с сюжетом о проклятии взрослого сына:

«Одна старуха много терпела от сына своего. Он был очень злой. Вот один раз за обедом он три раза вырывал у ней ложку и бросал к порогу. Старуха не стерпела и вышла из-за стола, положила перед Богом три поклона и сказала сыну три раза: "Будь ты проклят!"» [Народная проза 1992, 337].

Упоминание о проклятии в колыбели (зыбке) служит указанием как места произведения, так и возраста ребенка: «Когда, — гыт, — я была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, исть попросила, а ты послала меня к черту...» (Зап. Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалберской, 1950 г.р., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 177]); «Где-то в море есть проклятые люди, русалки, что ли. Когда рождаешь это дитю и в зыбке изругаешь: "Эх, ты, окаянный"» (Зап. А.П. Рассадина, Н. Лукьянова от Офимьи Сергеевны Андриановой, 1900 г.р., с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]); «Мать вот рассердится на ребенка, обзовет черным словом, и в зыбке появится головешка, а ребенок пропадет...» (Зап. А.П. Рассадина, Н. Лукьянова от Клавдии Петровны Гордеевой, с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]).

Действия, при которых происходит проклятие

Ситуации проклятия, описываемые в быличке, обладают типологическим сходством: мотивировкой проклятия служит поведение ребенка, требующего материнского внимания: «Вот одна мать родила дочь. Та у ней в зыбке лежала, плакала, видать, и мать ее как-то сильно обругала. А когда подошла к зыбке, то увидела, что там вместо девочки завернутое в одеяло обгорелое полено лежит» (Зап. Т.П. Степанова от Лидии Васильевны Костылевой, 1932 г.р., с. Усть-Урень Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]).

Иногда ребенок отвлекает мать, когда она занята работой, отмеченной в традиционной культуре сакральной семантикой. Наиболее распространенным действием является приготовление еды: «Как-то женщина пекла блины. Мальчик, сын ее, подошел. Говорит: "Дай мне блин". Она ему говорит, что не успела. Он так несколько раз подходил, пока мать не рассердилась. Мол,

провалиться тебе на этом месте» (Зап. Н.Ю. Трушкина, Т. Голушко, Б. Чеканов от Анны Михайловны Макаровой, 1917 г.р., с. М. Борла Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]); «Она прокляла его. Некогда было, стряпала, а он ревет» (Зап. М.Г. Матлин от Онисьи Ивановны Егоровой, 1917 г.р., с. Вельяминовка Самарской обл. [ФА 1987]). Иногда отмечается, что мать занята приготовлением ритуального стола: свадебного, пасхального, приготовлением пирогов на Троицу: «А раньше на Троицу одевали новы платья, юбки. Мальчишки собрались купаться. А шла обедня. За ним друзья пришли: "Петька, пойдём купаться". А он у матери просит ново одеяния. А она пекла пироги. Она ему кинула одежду-то да в сердцах сказала: "На, проклятый, чтоб ты провалился"» (Зап. Л.В. Шленкова от Анастасии Ивановны Леонтьевой, 1902 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]). Проклятие произносится в пространственно-временном континиуме, отмеченном сакральной семантикой в мифологической картине мира. Мать отказывает ребенку в еде, более того — проклинает. В этом полное нарушение правил миропорядка, грех перед столом / престолом. Проклятие (как и любая клятва) приобретает особую силу при вкушении пищи, осознаваемой в традиционной крестьянской культуре как Божий дар, а в архаическом обществе как основной акт посредничества между божествами и человеком. Выпрашивание еды в обычный день в культуре крестьянского застолья расценивалось как попрошайничество и строго наказывалось, но выпрашивание детьми угощения в сакральные дни входит в ритуал, и такие просьбы должны были быть обязательно выполнены.

Не менее значим и акт шитья, включенного в традиционные женские ремесла (пряжение, ткачество, шитье), обладающие сакральной семантикой. Не случайно слово, произнесенное при шитье, также может обернуться проклятием: «Вот, говорит, шьет мать наперстком, мальчишечка подошел, цоп — и наперсток-то и уронил в подпол. Она "Ох, ты, нечистый ты дух, иди вот лезь, ищи его тама". Открыла подпол, послала его, говорит — тут же сгробали» (Зап. М.Г. Матлин, В. Кочелаевская от Анны Тимофеевны Могильниковой, 1916 г.р., с. Лесное Матюнино Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1996]).

Конечно, в XX в. и шитье, и ежедневное приготовление еды как священнодействие уже не осознаются, но нельзя не учитывать скрытую семантику этих действий при анализе сюжетов.

Результат проклятия

Произнесение проклятия осознается носителями традиционной культуры как грех. Запрет на проклятие связывается с представлением о святости, безгрешности младенца: «Говорят, детей проклинать нельзя? — Младенцы. Нельзя. Он святой. Святой, грит, дитя» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Зинаиды Ивановны Кудряшовой, 1919 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]).

Мотив проклятия связывает между собой двух персонажей — мать и ребенка. Произнесенное умышленно или случайно, проклятие оборачивается несчастьем для проклятого и наказанием для проклинающего: проклявшая свое дитя мать не может умереть [Народная проза 1992, 337 и 339]; не прощающие сына-убийцу родители находятся в аду [Народная проза 1992, 340]. «Вообще проклинать никого нельзя. Проклятье — самое нехорошее слово. Если ты проклянешь человека невинного, то это проклятье обернется на твою голову» (Зап. Н.Ю. Трушкина от Марии Васильевны Луковкиной, 1920 г.р., г. Ульяновск [ФА 1999]).

В рассказах о проклятых детях мать, сгоряча пославшая свою дочь к лешему / черту, до ее совершеннолетия мучается с ребенком-подменным: «Ну, она уже дошла до того... бабка, худая! А ребенок вовсе не растет, всё в зыбке качается и даже ни на минуту рот не закрывает: кричит и кричит, и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще! Вот она с ним прямо не знает, че делать. И кормит его, и всё...» (Зап. Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалберской, 1950 г.р., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл. [Зиновьев 1987, № 177]); «А был слух по всему, что ребенок растет не растет, а лежит и плачет, и всё, и кормят, а растет не растет и умирать не умирает» (Зап. М.Г. Матлин, О. Зудина от Дарьи Константиновны Никоновой, 1911 г.р., с. Подъячевка Шигонского р-на Самарской обл. [ФА 1990]).

Верования, связанные с проклятием, соединяются с представлениями о возникновении болезней и способами лечения болез-

ней в народной медицине: «Ну, чего боялись... Или заболает, или какой несчастный случай... Всяко бывает» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Евдокии Ивановны Макушиной, 1916 г.р., д. Студенец Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Ну, это тоже проклянные. Еще родится... недопеченный "Собачья старость"... Ее допекают в печке» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Ну, он это... расти не будет, будет как-то вот чахнуть всё время... вялый вообще» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Елены Леонидовны Кукуевой, 1939 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Он плохо растет. То он горбатый... то какой убогой родится. <...> Ну, уроды делаются такие. Она его прокляла. Уроды делаются» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Афанасьевой, 1929 г.р., с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]). Проклятие губит и тело и душу ребенка: тело оказывается подчиненным болезни, душа — власти демонов: «Проклянные дети в лесных превращаются, в ведьму. <...> Проклянный ребенок превращается... душа в ведьму. Он сохнет, этот ребенок ... а душа его плачет. <...> ...они так и умрут. Иссохнут все. Душа-то у них в лес уходит. <...> А тело... ходит он. <...> Повезли в больницу, а нигде не лечут! Ну, не лечут, ничего не признают» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]).

В результате проклятия ребенок попадает в иной мир, отдается во власть демоническому существу: «Вдруг подходит ко мне какой-то старик с длинной седой бородой и говорит мне: "Твоя родная мать прокляла тебя, и это материнское проклятие дало мне полную власть над тобой!"» [Нилус 1997, 574]. С проклятием тесно связаны представления о подмене проклятых детей. Ребенка в колыбели заменяет подменщик, принимающий его облик, а сам проклятый попадает в руки нечистой силы, производящей этот обмен.

Ребенок может либо превратиться в предмет, либо стать каким-либо демоническим существом: «Как назовешь ребенка ругательным словом, он и превратится в головешку, или в то слово, как назвали» (Зап.

О.М. Скворцова от Екатерины Семеновны Рожкиной, 1925 г.р., с. Краснополк Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1987]). Наиболее распространенным предметом-заменителем ребенка в быличках, записанных в Ульяновской обл., является головешка: «... Дитю ... в зыбке изругаешь: "Эх, ты, окаянный!". Он и превратится в головешку» (Зап. А.П. Рассадина, Н. Лукьянова от Офимьи Сергеевны Андриановой, 1900 г.р., с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]); «Мать рассердится на ребенка, обзовет черным словом, и в зыбке появится головешка, а ребенок пропадает» (Зап. А.П. Рассадина, Н. Лукьянова от Клавдии Петровны Гордеевой, с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]); «Раньше, говорят, если ребенка проклянут, то превратится в головешку. У отца брата жена раза два черным словом изругала ребенка. А утром встали, а там головешка лежит. Это ребенок головешкой сделался» (Зап. М.Г. Матлин от Елизаветы Михайловны Толченовой, 1906 г.р., с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл. [ФА 1978]); «Нам родители говорили: поругают ребенка, он делается головешкой в зыбке» (Зап. М.Г. Матлин от Евдокии Ивановны Романчевой-Пурновой, 1902 г.р., урож. с. Сурина Шигонского р-на Самарской обл., п. Береговой Шигонского р-на Самарской обл. [ФА 1990]). Головешка может быть как предметом, в который превратился ребенок, так и истинным обликом подменщика: «... Мать ребенка своего чертом назвала, прокляла, значит. Ну, он и не рос совсем, пил, ел, а не рос. Семь лет в зыбке. И старик к ним зашел и сказал: "Эт ведь не ваш ребенок". Взял его за волосы размотал, да стукнул, а в руке-то головешка» (Зап. С.А. Потапова от Е.Г. Егорова, 1928 г.р., с. Чертановка Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1994]). Для текстов, записанных в других регионах России, характерно упоминание о превращении проклятого в банный веник, в лягушку, о кружении проклятого в вихре, о переходе в круг невидимых людей [Власова 1995б]. В Ульяновской обл. такие представления не зафиксированы.

Проклятый ребенок может также перейти в группу нечистой силы: девочки становятся русалками, ведьмами, мальчики — лешими. Данное представление является общерусским и отмечено собирателями в

разных регионах России. Зафиксировано оно и в текстах, записанных в Ульяновской обл.: «Люди проклятые — это русалки» (Зап. Н.Е. Боровикова, Г.В. Терехова от Ивана Степановича Салманова, 1906 г.р., с. Ждамирровка Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1981]); «Детей нельзя ругать было. А сейчас ругают. А потом где-нибудь его найдут. Иль он образуется этим... как это? В речке бывает — русалка» (Зап. М.Г. Матлин от Анны Фоминичны Переведенцевой, 1912 г.р., с. Акшуат Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]); «Русалки — вроде заклятые дети. Которых матеря ненавидят, ругают. Они живут в речке» (Зап. Е.В. Якимова, Г.Ю. Агафонова от Анны Михайловны Андриановой, 1900 г.р., с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1987]); «Говорили, вот проклянут ребенка, он и превратится. В лешего может...» (Зап. О. Зудина, Л. Сергеева, Е. Хардова от Марии Ивановны Демидовой, 1917 г.р., с. Силаевка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]); «Проклянные дети в леших превращались, в ведьму. Раз мужчина — в лешего; а эта — в ведьму, если девица, превращается проклянная» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]).

Ребенок, проклятый родителями, может исчезнуть из обитаемого пространства, переместиться в пространство иного мира. Мотив пребывания проклятых в ином мире, включающий:

- увод / уход ребенка в иной мир;
- описание дороги в иной мир;
- описание иного мира;
- описание мифологического персонажа, который увел ребенка;
- описание действий ребенка в ином мире

не является широко распространенным в сказочной прозе Ульяновской обл. Пространство иного мира описывается редко.

В некоторых сюжетах проклятый ребенок исчезает для человеческого сообщества, но его связь с миром людей не теряется полностью. Как правило, рассказчики указывают на локусы, в которых проклятые являются людям: река / берег реки, баня, под-

пол. В ряде текстов отмечается, что проклятые дети плачут, призывают мать. Место плача проклятого ребенка также связывается с маргинальными зонами — лесом, водой: «... Душа его плачет. Где-то плачет. Это ведьма называется. В ведьму превращается <...> ... около воды... Вот раньше говорили, вот... он, говорят, плачет, не знай как плачет на озере. Кто? Какая-то мать, отцы прокляли дитё. <...> Он и ходит без души! ... Душа у него плачет, грит. <...> Плачет. Он беспокойный. И вот вечером придет он в лес, плачет, плачет, плачет, плачет и плачет, этот ребенок проклянный. Матерь такая, прокляла» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Были раньше проклятые девки. <...> Вот она ... чего-нибудь там напроказничала... или провинилась вот у родителей, они ее назвали черным словом. <...> И вот ходила по задам, по гумнам, и плакала. Вот это называлась проклятая девка» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Зинаиды Михайловны Савченко, 1919 г.р. с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Вот мать проклянет дитя <...> Пропадет. <...> Вот сядут к воде ли, в кустах куда-нибудь, и сидят вопют голосом <...>: "И мила маменька...". Причитают, всё причитают» (Зап. М.Г. Матлин, О. Зудина от Дарьи Константиновны Никоновой, 1911 г.р., с. Подъячевка Шигонского р-на Самарской обл. [ФА 1990]); «... Открыла подпол, послала его, говорит — тут же сгробали. Ну, она говорит, и туды, и сюды, бучу подняла. Пол, говорит, весь разломали. Вот, говорит, плачет в этом угле. Тут полезут, а он уже в другом угле, в другом углу плачет. А вот тут была мельница, над старой больницей, вода тут, речка. Вот оне унесли уж его туды» (Зап. М.Г. Матлин, В. Кочелаевская от Анны Тимофеевны Могильниковой, 1916 г.р., с. Лесное Матюнино Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1996]).

Разрешение проклятия

Спасти проклятого ребенка может заказанный молебен, неустанные молитвы матери, активные поиски ребенка: «Ну, говорит, священника вызвали, вроде... вроде весь народ сошлись, молятся Богу: может, как-нибудь замолим...» (Зап. М.Г. Матлин, В. Ко-

челаевская от Анны Тимофеевны Могильниковой, 1916 г.р., с. Лесное Матюнино Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1996]); «Ну, вот надо их молитвами какими-то. <...> Сорокоуст заказывать в церкви. Опять родителям только делать. Если его родители прокляли, родители должны воскресить его» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]).

В сюжете «Парень женится на проклятой девушке» как устойчивый прием возвращения проклятой в мир людей осмысливается надевание креста: «А раньше говорили, если поймать и крест надеть, то она станет такой же, как все люди. Да только не больно она поддается...» (Зап. О. Зудина, Л. Сергеева, Е. Хардова от Ульяны Тимофеевны Овчинниковой, 1903 г.р., с. Силаевка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1991]); «Их заколдуют, она уж и делается вот эдак вот. Выходить будет только. Вы... выходить будет, если жених вот, вот есть раз... она на какого жениха заколдвана была, он на нее крест надел, она уж сделалась барышней. А то б она так и была заколдвана» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Николаевны Макаровой, 1912 г.р., урож. Радищевского р-на Ульяновской обл., с. Старая Измайловка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1998]); «Вот, один парень пошел в баню, пошел в баню, намылся.. стал мыться-то, вышла к нему это вот ... русалка кака-то. Он раз не сказал. Второй раз пошел в баню, она опять вышла. Он из бани-то пришел, уж матери говорит: "Вот так и так". Мать говорит: "Ты что так скоро из бани-ти". А он говорит: "Вот так и так. Поэтому я скоро пришел, вот вышла мне". Она говорит, мать: "Возьми крест, вот такой, с гайтаном. Как вот она выйдет, ты скорей на нее крест надевай. Она, — говорит, — никуда не уйдет"» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Николаевны Макаровой, 1912 г.р., урож. Радищевского р-на Ульяновской обл., с. Старая Измайловка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1998]). Проклятые сами могут выпрашивать крест у прохожих: «Проклятые-то крест просили. Идешь, бывало, по дороге. А она бежит за тобой. Бежит и крест просит. А я всегда два креста с собой носила. Вот и отдашь ей один. Проклятой-то» (Зап. Л.М. Серге-

ева от Анны Александровны Корпеевой, 1912 г.р. с. Молвино Теренгульского р-на Ульяновской обл. [ФА 1990]).

Мотивы надевания / выпрашивания креста, служения молебна, вероятно, представляют собой позднее образование. К числу архаических (по семантике предметов, действий) способов возвращения проклятого ребенка служат действия, направленные на обнаружение истинной природы подменыша. Мотив подмены в большинстве анализируемых вариантов предполагает разоблачение (то есть выполнение действий, позволяющих обнаружить истинную природу) подменыша и возвращение к людям настоящего ребенка: «В бане мать ребенка мыла — ругнула его матом. Он головешкой сделался. Лежит головешка и кричит. Привели бабуку. Бабука стала головешку с молитвой парить. Нечистый из головешки-то и вышел — опять ребенок нормальный стал. Нечистый кричит: "А-а, догадалась!". Бабука окропила баню святой водой... всё и стихло» (Зап. Н.Ю. Трушкина, Т. Голушко, Б. Чеканов от Анны Михайловны Макаровой, 1917 г.р., с. М. Борла Кузоватовского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]).

Характеристики персонажа

Комплекс мотивов внутри сюжетного подтипа «Проклятый ребенок» необходимо рассматривать в связи с фигурой центрального персонажа. Его основные характеристики — индивидуальный статус (половозрастные характеристики, положение в семье), облик, формы проявления, локализации в своем / ином мире (пространственно-временные координаты) — последовательно выявляются в ходе развертывания сюжетной схемы рассказа.

Дети, которые чаще всего оказываются объектом проклятия в рассматриваемых текстах, составляют определенную *возрастную группу*: это период младенчества («ребенок в зыбке») или раннего детства, когда ребенок еще не включен в трудовую жизнь (маленькие дети, мешающие матери выполнять какую-либо работу). Самую малую группу составляют тексты, в которых ребенок уже достаточно взрослый для того, чтобы отправиться с друзьями за грибами в лес или на рыбную ловлю. Иногда указывается точный возраст ребенка — 6, 7, 11 лет.

По тому, как меняется возраст проклятого ребенка на протяжении всего сюжета,

тексты можно разделить на два типа. В первом от момента подмены до разоблачения и возвращения ребенка проходит незначительный срок, и ребенок не выходит за пределы изначально заданной возрастной группы. В текстах другого типа, включающего версии «Невеста из бани» и «Русалка-невеста», проклятая дочь находится в ином мире до совершеннолетия и лишь затем получает возможность вернуться в человеческий мир. При этом время течет для всех действующих лиц былички, кроме подменыша: он по-прежнему, как и пятнадцать-двадцать лет назад (то есть с момента проклятия), лежит в зыбке, кричит и просит есть, оставаясь всё тем же ребенком⁴. По этим особенностям «знающие люди» и опознают подменыша (любопытно, что при этом глаза родителей как бы застилает пелена — они одни не понимают происходящего [Власова 1995а]).

Для традиционной культуры характерно представление о том, что демонологические существа в отличие от человека обладают способностью не изменять свой возраст. В быличке они редко предстают как существа смертные, или же срок их жизни несоизмеримо больше человеческого. Путь от рождения до смерти и погребения характерен для тех мифологических персонажей, которые по рождению относятся к человеческому миру: русалки, проклятые, заложенные покойники. Этнографами XIX в. были записаны поверья об изгнании нечистых духов с неба, о свадьбах, женах и детях леших, домовых и водяных, но лишь единичные тексты повествуют об их смерти. Любопытно, что проклятым, отнесенным в группу нечисти, иногда также приписывается длительная жизнь: «А сами мы, — говорит проклятой, — не растем и не стареемся: как кого в каком возрасте застанет проклятие, так тот в таком возрасте и останется на всю жизнь; а жизнь, — говорит

⁴ Здесь можно провести любопытную параллель с легендой о Петре и Февронии Муромских. Феврония своим проклятием как бы накладывает ограничение на рост села Ласкова во времени и в пространстве: «Ни болить вам и ни менеть» [Народная проза 1992, 508]. Таким образом, застывание на некой границе, отсутствие развития (в любую сторону) в традиционном сознании воспринимается как проклятие.

проклятой и вздыхает, — жизнь наша долга, до второго пришествия, до суда страшного» [Народная проза 1992, 330].

Облик проклятого ребенка, как правило, в быличках не описывается. Для рассказчика обычно важна форма проявления персонажа: ребенок кричит, плачет, требует еду. Лишь в некоторых текстах упоминается одежда: белые или красные сорочки, красные пояса (см., напр. [Власова 1995б, 290, Черепанова 1983, 50]). В описании «Невесты из бани» устойчивыми характеристиками являются ее красота и нагота⁵.

В облике проклятого существенно то, что ребенок (или взрослый), исчезая из человеческого мира, изменяя свою природу (становясь невидимым), тем не менее остается «во плоти»: с этим представлением связаны варианты, в которых ребенок пропадает, подменяется, а затем получает возможность вернуться в человеческий мир. Некоторые тексты повествуют о разделении души и тела при проклятии (тело остается в доме, а душа попадает под власть нечисти).

Чаще в текстах встречается описание облика подменыша, который может быть точной копией проклятого и подмененного ребенка — не случайно мать сразу не может определить, что ребенка подменили. Другой признак демонологического существа, которыми отмечен подменыш, — это уродливая внешность. Для традиционного мышления характерно представление о совпадении внешних и внутренних качеств человека. Дисгармоничная внешность, выраженная у подменыша особенно ярко («такой ребенок, что больша́ голова, а тулова нет почти» [Карнаухова 1934, 165]), нарушения роста, развития⁶ традиционно указывают на его нечеловеческое происхождение, а мотив уродства, как правило, свидетельствует о происхождении «нечистом», дьявольском.

Внешность подменыша описывается далеко не во всех вариантах, однако такие формы проявления персонажа как обжор-

⁵ Последнюю характеристику Н.А. Криничная связывает с брачно-свадебными ритуалами, в которых невеста предстает лиминальным существом [Криничная 2001, 83].

⁶ Не случайно отставание в развитии, младенческие болезни в народной медицине зачастую связаны с мотивом подмены.

ство и крикливость, непрекращающийся плач присутствуют практически в каждом тексте. Подменыша *«не могут ничем не накормить, не напоить; по семи короваев хлеба съедал, от семи коров молоко прихлебывал...»* (сказка «Портной и черт» [Зеленин 1915, № 36 (2)]). Умение поглощать огромное количество пищи в восточнославянских верованиях приписывается демонологическим существам. Это одна из магических способностей помощника в волшебной сказке [Пропп 1986, 318]. Кстати, в качестве одного из объяснений обжорства человека выступает представление о том, что в трапезе, особенно неблагословленной, принимают участие невидимые нечистые духи [Байбурин, Топорков 1990, 155].

Не менее важной характеристикой является и крикливость, постоянный плач. В русской сказочной прозе громкий голос, крик, хохот — устойчивые характеристики мифологических существ, обитающих в неосвоенном, чужом пространстве — в лесу, в воде⁷. Для лешего и русалки это один из способов проявления своей истинной природы. Именно такие персонажи как правило встречаются и функционируют в сюжетах о проклятых и подмененных детях: они производят подмену; в их власть попадает или же в них превращается проклятый ребенок.

Локализация в своем / ином мире. До проклятия ребенок живет в человеческом мире. Материнское проклятие дает возможность мифологическому персонажу подменить и увести ребенка в иной мир. В этих случаях проклятый ребенок либо переходит в группу мифологических существ — русалок, леших, ичетиков, шуликунов, в отношении которых нет указаний на их возвращение к людям, либо с помощью действий, выполняемых как правило родственниками, получает возможность вернуться в человеческий мир.

Проклятый ребенок оказывается в маргинальных зонах — в лесу, у воды, под землей. Иногда его можно увидеть на крыше: *«А после старая ихняя тетка увидела раз унесенную-то девушку у себя на сарае; в бе-*

⁷ Любопытно, что существа, живущие в освоённом человеком пространстве — доме, дворе, — громким голосом не отличаются (напр., домовый шепчет, кричит).

ленькой рубашечке, пояском красеньким опоясана, бегаёт кругом дойника» [Черепанова 1983, 50]. В сюжетном типе «Парень женится на проклятой» девушка может выходить к своему суженому как из реки, так и из бани: *«Один молодой парень пошел пьяненький ночью рыбу ловить с товарищами. Когда они пришли на речку, то он отошел от друга, сел поодаль, сидит и видит, как плот по реке плывет, а на нем девушки и парни веселятся, пляшут. Они позвали его с собой, он согласился, только ступил на плот, только они поплыли, и уплыли в реку прямо»* (Зап. Т.П. Степанова от Лидии Васильевны Костылевой, 1932 г.р., с. Усть-Урень Карсунского р-на Ульяновской обл. [ФА 1995]); *«Вот, один парень пошел в баню, пошел в баню, намылся... стал мыться-то, вышла к нему это вот... русалка кака-то. Он раз не сказал. Второй раз пошел в баню, она опять вышла»* (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Феррапонтов от Клавдии Николаевны Макаровой, 1912 г.р., урож. Радищевского р-на Ульяновской обл., с. Старая Измайловка Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1998]). Таким образом, место, где проклятый ребенок обнаруживает свое присутствие, включается в оппозиции этот мир / иной мир, реализуемой как в горизонтальной модели (дом / лес, вода), так и в вертикальной (низ / верх).

Персонаж оказывается связан с двумя мирами, которые существуют дискретно до того момента, пока родители, родственники не произведут необходимые действия, позволяющие вернуть ребенка снова в человеческий мир, — это могут быть активные поиски ребенка, материнская молитва, служение молебна, надевание креста. Важны действия, позволяющие обнаружить истинную природу подменыша (как правило, их производят либо «знающие люди», либо сам проклятый, уже получивший возможность вернуться в мир людей). Самым главным условием возврата ребенка является снятие материнского проклятия, прощение.

«Поэлементное» рассмотрение структуры мотива проклятия позволяет выявить все его взаимосвязи. Он предстает как открытая, гибкая система, легко присоединяющая к себе другие сюжетные мотивы, и является инициальным для всего сюжетного типа

«Проклятые дети». Срединными в этом типе выступают мотивы подмены, оборотничества / превращения, увода ребенка, пребывания ребенка в ином мире; мотивы, связанные с попытками человеческого сообщества возвратить проклятое дитя.

В текстах, записанных в Ульяновской обл., мотив проклятия продуцирует целый пучок мотивов, которые являются срединными в структуре текста:

— нехорошей (особой) минуты в часу, в которую исполняется проклятие;

— буквального исполнения проклятия;

— болезни / страдания / смерти проклятого ребенка;

— подмены проклятого ребенка головешкой, которой нечистый придает облик ребенка;

— увода проклятого ребенка мифологическим существом;

— пребывания проклятого ребенка в нечистом месте: в лесу, у воды, в бане;

— плача проклятого ребенка;

— превращения проклятого ребенка в мифологическое существо (лешего, ведьму, русалку) или предмет (головешку);

— нанесения вреда человеку проклятым ребенком;

— вымаливания / надевания креста на проклятого, чтобы вернуть его к людям;

— отмаливания матерью проклятого ребенка;

— освобождения и женитьбы на проклятой.

Зафиксированы на территории Ульяновской обл. и не отмечены в мифологических рассказах других регионов мотивы разлучения души и тела при проклятии и превращения ребенка в головешку. Также отметим, что в Ульяновской обл. не записаны сюжеты, в которых проклятые приносили бы в дом добро (единичным является текст «Про кабачную кикимору», записанный Д.И. Садовниковым); не отмечены сюжеты о проклятии матерью взрослого сына (в ФА представлены лишь два текста); нет сюжетов о жизни проклятых у лешего, о работе на него; нет упоминаний о кружении проклятых в вихре, буре.

К финальным относятся мотивы возвращения / невозвращения ребенка и разоблачения подменыша.

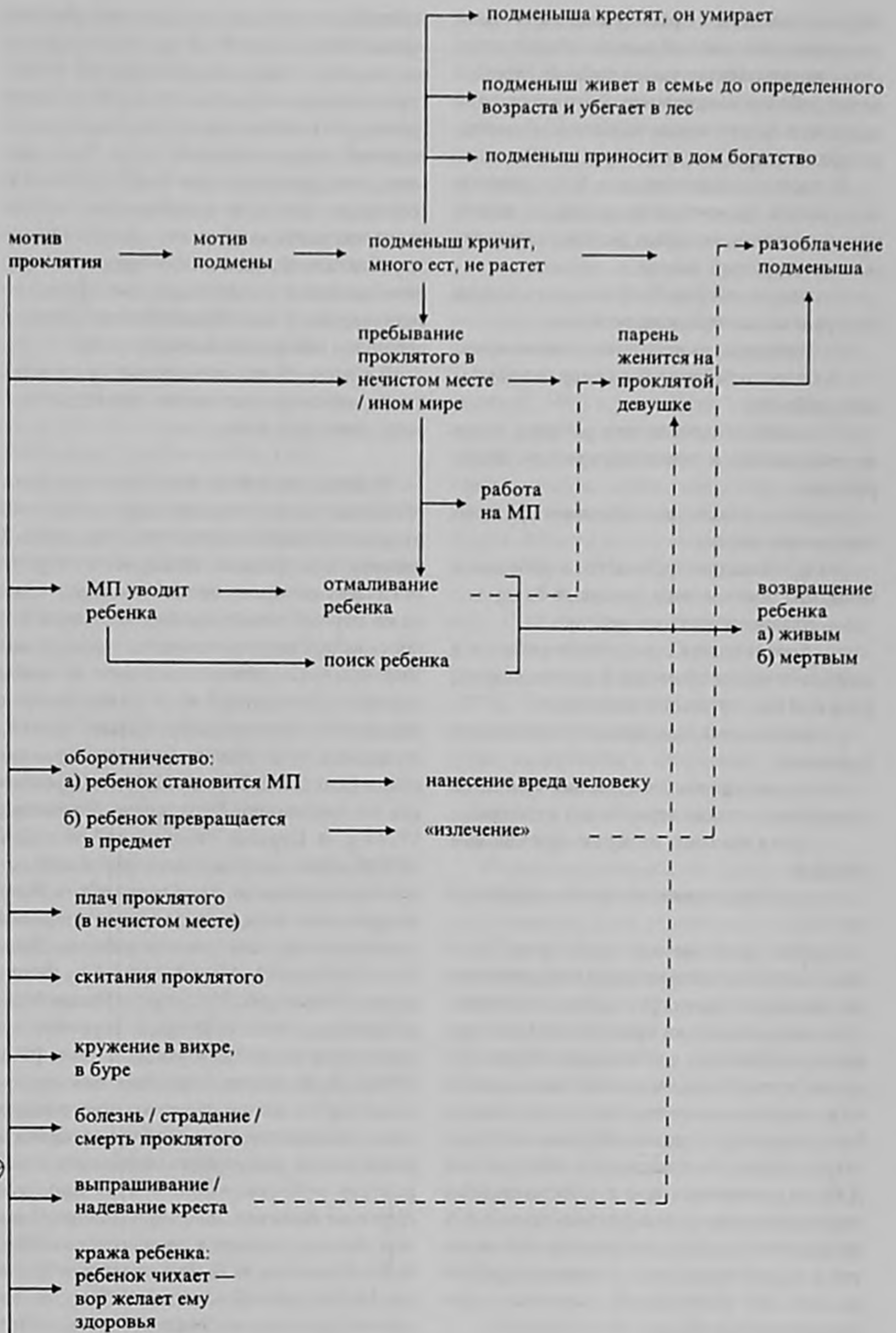
Все перечисленные мотивы на уровне текста могут представлять как самостоя-

тельный сюжет, так и соединяться в различных сюжетах в линейной последовательности (по типу сочинительной связи). Некоторые мотивы продуцируют следующую группу мотивов, которые находятся с ними только в подчинительной связи. Так, подмена / превращение проклятого ребенка в головешку вызывает разоблачение подменыша знающим человеком; увод проклятого ребенка мифологическим существом определяет существование таких мотивов, как возвращение / невозвращение проклятого ребенка в человеческое сообщество.

В самом общем виде развитие сюжета на мотивном уровне можно представить в виде схемы (см. с. 36).

В заключение отметим, что в сознании рассказчиков могут происходить изменения в оценке ситуации проклятия. Современный человек, как правило, оставляет в стороне магическую сторону проклятия. В его оценке на первый план выходит этический аспект: «Проклинать человека... нехорошо. Это нехорошо... Ничего не будет, но зачем человека проклинать? <...> Тоже нельзя... ребенка проклинать никак. А еще... чего он, глупенький. <...> Ничего не будет, но нехорошо» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Александра Яковлевича Потапова, 1927 г.р., п. Сурское Ульяновской обл. [ФА 1999]); «Это, знаешь, слово черно, его потреблять не нужно, оно самое плохое. Вот, говорят так: раз черно слово сказал, с этим человеком три дня кушать нельзя» (Зап. Ю.А. Лобина, О. Аблаева от Анны Федоровны Плетневой, 1911 г.р., и Нины Ивановны Плетневой, 1935 г.р., с. Заречное Барышского р-на Ульяновской обл. [ФА 1998]). Любопытно, что даже при отсутствии веры в магию проклинающего слова следствием материнской брани, по мнению рассказчика, могут быть изменения в характере ребенка: «Вот у меня подруга. Изругала дитя она. Ему только было семь лет. Бросил учиться, курить стал...» (Зап. Н.Ю. Трушкина, И.Е. Ферапонтов от Клавдии Михайловны Лизуновой, 1920 г.р., с. Полянки Сурского р-на Ульяновской обл. [ФА 1999]).

Таким образом, подмена мотивировок не меняет характера оценки. Она остается резко негативной. Проклятие ребенка недопустимо, так как обязательно накладывает

свой отпечаток на его поведение и может сказаться на его дальнейшей судьбе. А значит, традиционный запрет устойчиво сохраняется, регулируя взаимоотношения между современными родителями и детьми.

Литература

Айвазян 1975 — Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С.Г. Айвазян // *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162—182.

Афанасьев 1869 — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других народов. В 3 т. М., 1869. Т. 3.

Ахметшин 1990 — *Ахметшин Б.Г.* Русские и башкирские былички о леших // *Фольклор народов РСФСР. Фольклор и этнография: общее и особенное в фольклоре разных народов.* Уфа, 1990.

Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: этнографические очерки. Л., 1990.

Барсов 1874 — *Барсов Е.В.* Северные сказания о лембоях и удельницах // *Известия ИОЛЕАиЭ.* Т. XIII: Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. М., 1874.

Виноградова 1995 — *Виноградова Л.Н.* Подменыш // *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.* — М., 1995. — С. 315—316.

Власова 1995а — *Власова М.Н.* Обмен // *Власова М.Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 260—261.

Власова 1995б — *Власова М.Н.* Проклятые // *Власова М.Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. С. 289—293.

Грушко, Медведев 1996 — *Грушко Е., Медведев Ю.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1996.

Даль 1994 — *Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994.

Зеленин 1915 — *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии / Сб. Д.К. Зеленина // *Записки Императорского РГО по отделению этнографии.* Т. XLII. Пг., 1915.

Зеленин 1937 — *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. М.; Л., 1937.

Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Кагаров 1981 — *Кагаров Е.Г.* Словесные элементы обряда (публикация А.Н. Розова) // Из

истории русской фольклористики. Л., 1981. С. 66—76.

Карнаухова 1934 — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст. и коммент. И.В. Карнаухова. М.; Л., 1934.

Криничная 1983 — Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. М., 1983.

Криничная 2001 — *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. В 3 т. Т. 1. СПб., 2001.

Лесков 1893 — *Лесков Н.* Представления кореляков о нечистой силе // *Живая старина.* СПб., 1893. Вып. III. Отд. V. Смесь.

Максимов 1995 — *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

Народная проза 1992 — Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992. (Б-ка русского фольклора).

Науменко 1998 — *Науменко Г.А.* Этнография детства. М., 1998.

Нилус 1997 — *Нилус С.* Голос веры из мира торжествующего неверия. СПб., 1997.

Ончуков 1908 — Северные сказки (Архангельская и Олонекская губ.) / Сборник Н.Е. Ончукова // *Записки Императорского РГО по отделению этнографии.* Т. XXXIII. СПб., 1908.

Перетц 1894 — *Перетц В.Н.* Деревня Будогоща и ее предания // *Живая старина.* Вып. I. СПб., 1894. С. 3—18.

Петров 1981 — *Петров В.П.* Заговоры (публикация А.Н. Мартыновой) // Из истории русской фольклористики. Л., 1981. С. 77—142.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Потебня 1990 — *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности // *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 132—314.

Пропп 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Разумова — *Разумова И.А.* Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск, 1993.

Рыбников 1910 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. 2-е изд. / Под ред. Е.А. Грузинского. М., 1910. Т. 3.

Соколовы 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Черепанова 1983 — *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Список сокращений

ФА — Фольклорный архив кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета.